

ДИГАР
ВАСИЛЕВСКИЙ

Сайт знакомств

Аннотация

Помнит ли кто-то сегодня небольшую новеллу Оноре де Бальзака «Ведьма»? Время действия там — Средневековья, место — Франция. Героиня новеллы — девушка необычайной красоты и неясного происхождения обладает способностью притягивать к себе мужчин, вызывая у них сильнейшие приливы страсти и в короткий срок доводя их до полного истощения и гибели. У нее, естественным образом, возникают конфликты с родственниками изводимых мужчин и Церковью. Интересно, а как бы сложилась ее судьба, живи она в наше время? Автор дает ответ на этот вопрос, перебрасывая мост между сюжетом классика и современностью. Оказывается, героиня жива и здравствует: она теперь проводит немало времени в Сети, находя свои новые жертвы на сайтах знакомств. В чем источник ее завораживающей силы и всегда ли обречены ее избранники — так можно обозначить две главные сюжетные линии, которые обособленно и, сплетаясь, ведут к одному финалу.

Айгар Василевский

Сайт знакомств

Часть первая. Сочинитель

1. Автопортрет

Чтобы открыть аккаунт — страничку в этом пространстве надежд и соблазнов, потребовалось минут 10. Мне это запомнилось: как я выбирал опции из скудных наборов и вбивал строчки. Большого ума, чтобы заполнить эти графы, не нужно. Но можно вполне разумно дозировать степени откровенности, неточности и воздержания от правды. Врать, в общем, не следует, но следует играть нюансами.

Я — мужчина 39 лет.... Указал 36, это не враньё, это неточность. Обычного телосложения. «Обычного» — это опция из блока «типаж». На опции «спортивного» и «мускулистого» я не решился. Далее. Рост — 176, но написал 180. Мне говорили разница малозаметна, если сама женщина невелика ростом. Но если она высокая, тогда уловит. Ну, и ладно.

Вес — 70. Это правда. Я, сохранился не

шибко спортивным, но — без пуза. Достижение не великое, но всё же.

Несмотря на моё вполне достойно звучащее имя — Михаил Шелест — я должен был воспользоваться псевдонимом, коротеньким ником, звучащим, на мой вкус слегка манерно. Но таково было условие.

Потом заполнял хаотично, перескакивая из одного блока в другой, хмурясь, кривясь, ненадолго задумываясь.

Блок «О себе» заполнять не стал. Мне объясняли — туда вставлять какую-то яркую самохарактеристику — эмоциональную и со смыслами. Ну, типа: «я отзывчивый и верный» или «я спокойный как слон», или «адекватный, в меру упитанный мужчина»... С претензией на юмор. Ладно, обошёлся без этого.

Другой блок было не обойти никак: «Знакомства». Следовало ответить на вопрос «Кого я хочу найти». Чуть поколебавшись, написал то, что давно продумал: «Ищу женщину в возрасте 35–40 лет (примерно) с которой мог бы найти общий язык и сексуальную гармонию».

Ну да, не самый пылкий призыв. Не самый соблазнительный кусочек сыра для нежной мышеловки. Лучшие тут звучали так: «создание дружной семьи, рождение ребёнка, поиск надёжного друга на долгие годы» или «ручной опоссум средних лет ищет пару...». Или что-то в этом роде.

Ладно. Что нужно, то и написал. Там было ещё «Секс на 1–2 раза». Глупая плейбойская опция: её можно было думать, не зачем же проговаривать?

Потом вернулся в «Типаж». Из графы «Волосы» выбрал «тёмные» и «Грудь и ноги». Они у меня, правда, поросли довольно густо. Там была ещё опция «щетина», над которой я поухмылялся.

Спустившись по страничке ниже, обозначил привычки: «не курю», «никогда не принимал», «пью в компаниях изредка».

Вернулся в «Знакомства». Там под темой «кого хочу найти» полагалось указать семейный статус. Не стал указывать ничего. Не то, чтоб скрыл или соврал — воздержался от правды. Не акцентировал. К этому моменту я был женат 16 лет. Это был уже не статус — образ жизни, привычный фон.

Снова сунулся в «Типаж». Профессия, материальное положение, проживание. Указал то, что и собирался: «свой бизнес» (соврал), «Хорошо зарабатываю» (наполовину правда), «Отдельная квартира» (чистая правда, не считая проживания жены на той же площади). Были еще «Мои вещи», где следовало правдиво указать комп Asus и автомобиль Опель астра — тихо и скромно. Но я указал Toyota Camry — вещь классом выше. Так было надо.

Дальше шли «Сексуальные предпочтения». Классифицировав себя при помощи угрюмого словца «гетеро», я задумался над темами «Что меня возбуждает» и «Как часто я хотел бы заниматься сексом». Без них можно было, конечно, обойтись, но...

Я вдруг осознал как мало эти вполне уместные вопросы (а точнее ответы на них) могут дать для характеристики клиента моего склада и возраста. Меня всегда отличали крайняя впечатлительность и повышенная эмоциональность, которую я, впрочем, научился скрывать. Тут, между прочим, уместно метнуть взгляд в алкогольную плоскость. Особенности моей нервной системы (и, боюсь, что и пищеварения тоже) не позволяли мне

получать полноценных радостей от крепких напитков, но с красным вином — в любых количествах — были вроде бы вполне совместимы. Однако, где-то после 35 мною (хотя и женой тоже) была установлена прямая зависимость между количеством выпитого сверх первой бутылки и явным ослаблением эрекции. (Жена обычно хмуро говорила: «Он у тебя сегодня не тот»). В этой связи мне вряд ли были показаны продолжительные оргии с чередованием удовольствий. Опорожнение одной ёмкости за другой («Не умеет пить нынешняя молодёжь, — грустно молвил Атос»), долгие застолья с переходом в хмельные шумные соития с девами по вызову — не мой жанр. А между тем, его предпочитал кое-кто из моих близких друзей. Например, Герман. У него, и правду, был свой небольшой строительный бизнес, ему иначе было никак нельзя. Или, вот скажем Алекс Котельников, бывший сокурсник. То есть я-то учился на филфаке, а он — на юридическом. Теперь у него частное сыскное бюро и помощник Толик. Заказов не густо, но вечерами они нередко заказывали с Толиком прямо в офис — пиццу и дев. Романтики.

Опорожнение — хорошее многозначное слово... Между прочим, тема опорожнения оказалась актуальна и в других смыслах. Раньше я мог, изрядно выпив, высокомерно воздерживаться

от мочеиспускания помногу часов. Теперь же просьбу организма следовало удовлетворять, не оттягивая. И если на повестке дня стоял небольшой сексуальный подвиг, то его непременным условием должна была стать свобода мочевого пузыря. Более важная в данном контексте, чем свобода слова. В противном случае могли возникнуть осложнения... А раньше-то ведь, помнится, данное условие не играло никакой роли. Даже, вроде, наоборот...

На мой грустный вопрос ответ был дан около года назад деловитым урологом — между прочим, женщиной лет 45. Закончив короткую исследовательскую манипуляцию и стянув с пятерни резиновую перчатку (один из пальцев которой хранил слой геля), она предположила приход первых симптомов простатита. Но тут же, желая, наверно, подбодрить, добавила: «Но, вообще, вам грех жаловаться, более или менее в норме... бывает гораздо хуже...». И посмотрела на меня (подтягивающего штаны нервного пациента) немного лукаво.

Разумеется, этим ценным опытом не было смысла делиться на сайте знакомств.

Сколько же, однако, ассоциаций ветвится при заполнении нескромных анкет! Их всё же следует

иногда заполнять: начинаешь лучше понимать что-то о себе.

Что же меня всё-таки возбуждает, а? Ну, допустим, когда она раздевается — неспешно, может быть, даже преодолевая лёгкую застенчивость. Не превращая это в тягучий стриптиз. Меня уже давно не волнуют все эти шоу, все эти извивания вокруг шеста — для меня это уже слишком долго и скучновато. Наверно, сказывается возраст. Что ещё? Может быть, колготы на голое тело... Да, пожалуй. Хотя и чулки тоже. Если они — единственная одежда... Да, ну и пожалуй, пышные густые заросли у нее на лобке. Бритые поверхности, одинаковые у всех, меня удручают. Тут, я знаю, я расхожусь с другой половиной человечества. Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись...

Так или иначе, ничего этого писать не стал. Всё это было несущественно с точки зрения главной Задачи. Но на вопрос «что возбуждает?» всё же ответ дал: краткий, но многозначительный — «естественность».

Из фотографий поместил пять, которые наметил. Одна — крупный план, я дома у окна, две пляжные, сделанные Альбиной, когда отдыхали в

Италии, в Римини. На одной я себе нравился — там, где стоял возле декоративной пальмы, сложив руки на груди, довольно крепкий, хорошо сложенный, залысины видно не сильно. На второй был в профиль, и было уже немного не то. Ещё две были офисные обычные — в галстук за компьютером и на лифтовой площадке с усталым взглядом: видно, что человек умственного труда.

На самом деле своего бизнеса у меня никогда не было. Уже седьмой год я трудился на средней должности в отделе маркетинга в консалтинговой фирме. Карьерных вершин я тут не взял, и вряд ли имел перспективы. И дело было не только в отсутствии альпинистской хватки. Начальница моего отдела — сухощавая, тощезадая веснушчатая Анна, моя ровесница — давно заметила во мне избыточную созерцательность, идущую в ущерб делу, отсутствие инициативности, напора. Ее, как и мою жену, это не вполне устраивало. Но обе мирились. Я, и впрямь, был в некотором роде созерцатель. Точнее, мечтательный книголюб, что, кстати, и соответствовало всегда моей исходной специальности — филологической. С такой специальностью в нашем суровом мире жирных пенек не снимешь.

К миру, в общем, я был без претензий:

спасибо, что терпели в отделе маркетинга. Но кроме пространных и искусных (как мне казалось) справок о прибылях и игроках на рынках, я позволял себе ещё кое-что. Несколько лет назад я конвертировал избыток воображения в пару текстов мистико-детективной направленности, подразумевая, что на подобные тексты имеется постоянный спрос. После полуторагодовых мытарств оба текста выпорхнули в свет в виде двух книжек в мягких обложках. Я стал автором, типа сочинителем. Более меня удивлена была, кажется, жена Альбина — женщина практичная и энергичная. Администрируя в своём Институте зрелой красоты и ублажая жён миллионеров (всегда в чем-то ущербных), она уже не чаяла найти хоть какое-то коммерческое применение вялым талантам мужа-филолога. Нет-нет, она, моя Аля, вовсе не страдала навязчивой идеей. Но всё же после 16 лет совместной жизни можно было, и помыслить о некотором перераспределении ролей внутри брака.

Перераспределить, впрочем, ничего не вышло. Никаких серьёзных доходов ни первые две книжки, ни третья, ни даже четвёртая с голым американским президентом на обложке — не принесли. Лидирующую роль жены поколебать не удалось.

Но об этом, разумеется, я бы не стал и

упоминать ни в одном из разделов моей свежееоткрытой странички на сайте «Мамба». Тем более что к делу, к цели моей акции, к Задаче это ни малейшего отношения не имело.

Оформление профайла я закончил поздно вечером 23 августа. Жена уже спала. Я сохранил данные, ещё раз пробежавшись взглядом по строчкам, закрыл программу и отправил комп спать вслед за женой. Мною владело зыбкое ночное предощущение чуда. Хотя какое уж тут чудо,... Но я знал, что в первые три дня на свежую страничку реагируют весьма активно.

Так оно и случилось.

2

Спустя три дня в моей ячейке «Сообщения» скопилось аж 8 посланий. Алекс Котельников он же Шурик мне объяснял, что поначалу приходит и больше — если субъект акцентирует свой разведённый/неженатый статус. На разведённых всегда клевали жадно. Но раз уж статус не акцентирован, то и 8 немало.

Из 8 я отобрал 4, исходя из внешних данных, возраста и иных параметров, обусловленных

задачей. Исходя из неё же, я мог обращаться лишь к тем зрелым прелестницам, которые вышли на связь сами. Я, таким образом, лишал себя радостей свободного поиска, но особо не переживал. Моя проблема не отличалась остротой. Я мог бы и придержать азарт.

Мои потенциальные собеседницы все без исключения, предпочитали сверхкраткие обращения: «Привет!», «Приветик!», «Как настроение?»; либо ещё хуже: засылку в качестве разведчиков бессловесных рожиц-смайликов. Последних я не жаловал. Остроумный программист задумал когда-то эти рожи для толстого слоя наиболее тупых юзеров. Подумав, кстати, я решил отсечь ещё одну претендентку, выславшую смайлик и, кроме того, прикрывшуюся пошлейшим ником «Iriska».

Первым моим адресатом стала 36-летняя круглолицая коротко стриженная незнакомка по имени Виолетта. В графе профессия у неё числилось «образование». Следовало предположить, что она школьная училка. Я предложил ей посидеть в кафе, где-нибудь в центре Москвы. Она в ответ предложила обменяться телефонами, тут же деликатно осведомившись, в какое время лучше звонить и не поставит ли она

меня неожиданным звонком в неудобное положение? За деликатной формой скрывался простой и чёткий вопрос: «Сволочь, ты женат или нет?» Ну, хорошо, пусть даже без «сволочь». В ответ я выдал хорошо продуманную, взвешенную формулу, сочетающую дозу искренности с мягкой самоиронией.

«У меня сейчас то, что именуют обычно семейным кризисом, — грустно писал я, — такое, как известно, часто бывает после 18 лет скучноватой совместной жизни. Нет, никаких особых конфликтов. Просто медленное угасание взаимного интереса. Знакомо это вам? Конечно, вы вправе мне указать на то, что нужно сначала развестись, а потом уж обращаться к сайту знакомств. Спорный вопрос. Но должен признать, что я действительно не лучшая опция на этом сайте — с определённой точки зрения. Единственное моё преимущество заключается, может быть в том, что я могу позволить себе жить отдельно — в загородном доме... Не скрою при этом, что ваши фотографии и автопортрет произвели на меня яркое впечатление. Не мог им не поделиться».

Если учесть, что инициатива принадлежала ей, такой ответ никак не должен был означать окончание переписки. Чуть церемонный стиль тоже мог сыграть скорее благотворную роль. По словам

Алекса виртуальные ловеласы обычно не блистали манерами и стилем, сваливаясь в краткость. Впечатление мог произвести и упомянутый загородный дом.

Всё вместе взятое, и впрямь, оказало эффект. Виолетта уверила, что мой зыбкий статус не очень её смущает. Та, которую я мыслил, примерно так и должна была ответить.

Пару дней мы ещё живо перебрасывались суждениями об изменении климата, фитнесе, сериале «Школа» и моде на пирсинг. Последнюю мы дружно отвергали. Во вторник я назначил встречу на полседьмого в центре зала станции «Третьяковская» на оранжевой ветке — имеющей выходы в заповедные уголки столицы.

Виолетта оказалась хрупкой женщиной среднего роста, не сильно отличавшейся от себя на трёх выставленных фотках — вопреки предупреждению Алекса, который наставлял меня, что все они выглядят куда хуже, чем на фотографиях. Правда, обещанные 36, выглядели, все же пожалуй, как 40. Помимо этого она оказалась не Виолеттой, а Верой. Ну, к этому-то я был готов. Думаю, и Вера тихо уценила мои обещанные 36, а заодно и 180.

Уценённые мы направились, по заданной мною траектории в Старомонетный переулок в кафе «Времена года». Там я как-то кормил мороженым тощую журналисточку из «Эксперта», побуждая её упомянуть нашу славную компанию. Сугубая деловитость в любых сношениях с дамами вредит делу. Упоминания, помнится, я так и не дождался.

— Это твоё настоящее имя? — спросила Вера, — А... я так и думала, что это ник. Почему ты его выбрал? Ты думаешь, мужчина с французским именем имеет больше шансов?

Меня мой ник самого раздражал. Я отделался словами, что такое было настроение в тот вечер. Ник — иногда дело настроения, импульса. Но иногда он отражает склонность, скрытую претензию.

— Мне нравится больше твоё настоящее имя, — сказала она.

Потом мы вернулись к сериалу «Школа» — весьма удобной светской теме. Вера, к слову, оказалась не просто училкой, а завучем. О сериале она судила в том духе, что, мол, действительность

ещё хуже. В её 9-м «а» классе, к примеру, двумя отвязными девчушками-стервочками был всерьёз избит безобидный как хомяк толстый мальчик-семиклассник. Вера теперь хлопотала об исключении садисток. От школы мы гладко перешли к литературе и сексуальной жизни писателей. Выбор тем для первого свидания — достаточно тонкий вопрос. О писателях я умел рассказать. Между прочим, я заказал бутылку красного вина и пару салатов — с учётом пожеланий. В московских кафе, как известно, порция салата означает обычно величину, стремящуюся к нулю. Можно сказать, мы просто раздавили на двоих бутылку вина. Это, вероятно, добавило моему восприятию остроты.

Отпустив Веру в туалет, я попытался, глядя ей вслед, оценить форму и выпуклость её задка, облегаемого юбкой. Воображение, увы, не отреагировало, не получив достойного повода.

Потом мы ещё некоторое время мусолили, как интеллигентные люди, личную жизнь Бунина и Набокова, но я уже тихонько грустил, сознавая, что Вера, несмотря на общую миловидность, всё же не вписывается в параметры Задачи. Это, кстати, не мешало мне оценить мягкость и плавность её учительской речи, а также разделить неприязнь к

неумдрёной молодёжной фене — скудному, корявенькому жаргону. То есть славное взаимопонимание было налицо, но что толку...

Я старался разливать поровну, но завуч меня останавливала, и в итоге на меня пришлось не меньше двух третей. Может быть, в силу этого, оказавшись на улице, я прихватывал завуча за талию, тискал и целовал в шею и в губы. Это распускание рук она воспринимала стойко и с пониманием.

Хмельные мы пролетели под землёй в шуме полгорода до её станции на далёкой окраине. Я даже проводил её от метро до дома, удивляясь себе. У самого подъезда 12-этажного типового здания-улья мы задержались. Я пробормотал сверхнормативные учтивости, памятуя о том, что, скорее всего, вижу Веру в последний раз. Вера, кажется, ждала чего-то большего (раз уж довёл до порога жилища). Но тут сбоку у края палисадника появились две небольшие тени, укрывшие головы капюшонами — плохо различимые в сизом полумраке вечера. Вера успела сказать:

— Ты как-то удивительно деликатен...

В этот момент из тьмы лёгким шипением

ударил струя зловонной жидкости, окатившая завуча и по касательной меня. Я отскочил в сторону, Вера вскрикнула, укрыв лицо руками. Вторая струя, не долетев, оросила ей подол лёгкого плаща. Тени метнулись к углу дома. Мгновенно придя в себя, завуч бросилась следом вдоль палисадника. Спустя пару секунд я услышал её срывающийся крик:

— Лютикова, тварь, я вас узнала! Никуда не денетесь, сучки!

Она вернулась, тяжело дыша от ярости.

— В тебя тоже попали?

Я осторожно понюхал рукав куртки.

— Чуть-чуть. Не волнуйся.

— Зайдём! Отмоем тебе рукав.

— А кто у тебя дома?

— Только сын...

Я помялся.

— В другой раз, Вер... Я сейчас куплю бутылку воды в киоске. Смою.

Когда я уже подходил к станции метро «Медведково», дозвонился Алекс.

— Майкл, как ты там? Можешь говорить?

— Могу, но не очень. У меня, кстати, состоялась сегодня первое свидание... Ну, с учётом твоей идеи, помнишь?

— Да помню, конечно! Ну, дела! Ты, однако, быстр! Это ж была как бы гипотеза, прикол! Ну, это твой писательский рефлекс, я это знал! Боец, ничего не скажешь!

— Может быть, — я ещё раз понюхал рукав, — но я в данный момент иду облитый мочой — вполне натуральной.

— Ну, Миш! Не ожидал, — голос Алекса завибрировал, — какие изыски с первой встречи!

— Да иди ты, — я остановился и оглянулся по сторонам, — без всяких изысков. Потом расскажу... Но это, конечно, не она.

Сказанное не убавило энтузиазма у моего собеседника:

— Ну, а что ж ты хотел — с первой встречи что ли?! Нет, Мишк, это, конечно, заслуживает... Расскажешь в деталях? Ты у Германа на юбилее ведь будешь?

— Буду, — сказал я сердито и отключился.

3. Хищница

В субботу исполнялось 45 старому другу Герману. Довольно бодрый, приятный рубеж перед другим — более трудным. Мы были приглашены к нему на дачу к четырём — с ночлегом. Круг приглашенных намечался тесным и теплым: помимо разгадывателя загадок Алекса и меня еще ожидался старый боец, бывший партнер хозяина по бизнесу и бывший тяжелоатлет Андрюша Кротов — обладатель самого обширного и разнообразного опыта супружеской жизни. Трех близких корешей вместе с женами юбиляру в знаменательный день вполне хватало. В нагрузку полагалась, правда, пара-тройка партнеров по нынешнему его бизнесу — из года в год они обычно менялись. Иногда они (в отличие от нас) являлись с юными пассиями, что приятно оживляло посиделки, хотя и вызывало

бурчание жен.

До отъезда, пока жена сосредоточенно наносила на лицо оттенки, я вышел пройтись возле дома. Под нашими окнами раскинулся один из самых прелестных и старых парков Москвы. Он же один из самых маленьких — парк «Дубки». Крохотный островок былой густой дубравы, он оставался напоминанием о прежнем уюте дачных московских окраин. Отделённый от рокочущего Дмитровского шоссе двумя рядами кварталов, он хранил в своих аллеях тихую надежду. Для своих посетителей он приберёт даже пруд — изысканно-изогнутый овал среди лужаек. Западный край парка всё ещё обегал хлопотливый трамвай — по извилистому каменистому пути, закрытому для прочего газоносного стада. Говорят, по этому пути трамвай бегал здесь ещё при императоре Николае Александровиче — сквозь сады до здания сельхозакадемии, что было тоже неподалёку. Если очередной временщик — командующий городским хозяйством вздумает тут снимать наезженные за столетия рельсовые колеи, я, как обычный вялый москвич, приду сюда с бессильным протестом и волнением, и возможно, пролью слезу, глядя на святотатство.

Но пока номер 27-й ещё возил сюда мам с

колясками, подростков с пивом, бабушек с пледом, отрешённых бегунов в наушниках и таких как я — лысеющих, трезвых с утра философов. Прибытие трамвая к малозаметной остановке прячущейся в кустах сирени — главное для меня воплощение дневной элегии.

В аллеях обычно можно было встретить немало иных поводов для элегических размышлений. Неторопливо прогуливаясь, я приветствовал двух знакомых собаководов и одного кошковода — бывшего спортсмена-бобслеиста. Я знал, что после травмы у него началась новая фаза жизни, связанная с поиском какой-нибудь грязноватой работы. А какой ещё? Кот у него был в дорогом ошейнике и ступал величественно и слегка брезгливо. Он был любимцем жены, которая вроде моей заведовала косметической клиникой. Содержала, таким образом, дом, кота и мужа. Экс-бобслеист, как всегда, мягко осведомился о здоровье супруги, а я по традиции ответил позитивно.

Далее мне встретились пожилой пыхтящий бегун и молодая мать гигантской толщины. Рядом с ней толкал детскую коляску мужичок в свитере с оторопелым взглядом. В конце аллеи на лавочке грустно сидел ещё один мужчина — в красной

куртке с вышиванием на коленях. Ещё дальше две тощие старшеклассницы нервно курили и вплотную друг к дружке грели задницами спинку скамейки, поставив ножищи на сиденье. Меня они проводили взглядами, заставив вспомнить недавний инцидент с поливанием мочой. Я даже ускорил шаг.

Неспешные прогулки в аллеях обычно шли мне на пользу, способствуя тихому выстраиванию сюжетов, обещанных редакциям. Но иногда наоборот — отвлекали. Меня занимало и слегка настораживало то настроение, что поселилось во мне с позавчерашней встречи. А может даже с вечера, когда я впервые изучил суточный улов из восьми посланий незнакомок. Я знал, что это дело затягивает. Ещё я уяснил, что самым интригующим был момент обнаружения в почтовом ящике новых приветов. Их могло и не быть. Ожидание питалось ежевечерней загадкой.

Всё же я старался себя уверить, что имею в виду совсем иную, небанальную интригу. С ней ещё предстояло разобраться.

Вернувшись, я обнаружил жену на боевом взводе, одетую по-походному. Ей, высокой изящной брюнетке, шло облегающее.

В нашей семье в основе взаимопонимания всегда лежало разделение труда. Из Москвы до дачи Германа во Фрязино машину вёл я. Обратная дорога должна была быть лёгкой. Подразумевалось, что суточная доза торжеств меня сильно утомит. Сильнее, чем её.

На самом подъезде к усадьбе Германа к высокой кирпичной ограде жалось несколько знакомых автомобилей.

— Вон Андрюши Кротова джип, — заметила Альбина, — напьётся опять... На хрен Герман его всегда зовёт?

— Андрюша — ветеран и старый друг, — возразил я, — они с Германом работали вместе, да и сейчас...

— ... Вместе по блядам ездят, — продолжила жена.

— Ерунду говоришь, — твёрдо сказал я, — никуда они не ездят. Андрей уже выбрал, кстати, и скоро женится.

— Ага, — согласилась Альбина, — седьмой раз.

— В шестой, — поправил я.

Предупреждённый мною крупный пузатый Герман встретил нас у ворот. Он стригся теперь чрезвычайно коротко, лишая статуса изрядную плешь, растущую, как и у меня ото лба. Короткая седеющая бородка придавала его пухлому лицу барственное и холёное выражение, к чему Герман, думаю, и стремился, поскольку в душе и был барин. Целуя Альбину, он смешно пучил губы, чуть топорща бородку.

Под навесом посреди яблоневого сада собрались уже все, и уже весело гомонили — значит сидели давно. Из-за стола выбрался меня тискать предвиденный медведеподобный Андрюша Кротов, который, как и Герман был с бритой башкой и в новых наимоднейших узких очёчках, делавших его похожим на увеличенного в размерах Берю. Судя по объётам, он был уже хорош: кости у меня уцелели чудом. Альбине он, впрочем, лишь смачно обцеловал ручки.

За длинным, ломящимся от закусок столом помещались также: жена хозяина — большая невозмутимая Элла, Алекс он же Шурик Котельников с женой, ближайшие деловые партнёры хозяина — Рустам и Феликс Махмудович

без жён, а также новая подруга Андрюши, маленькая худая брюнетка, — здоровяк Кротов предпочитал маленьких.

В общем, включая нас с Альбиной, узкий круг. За столом Герман продолжал получать телефонные поздравления от более широкого круга соратников. Поначалу он даже включил громкую связь, чтобы мы слышали эти приветы и кое-кого радостно узнавали. Но третьим к нему прорвался визгливый женский голос, которым было произнесено: «Герка, сволочь старая, я же даже не знала!..» И Герман громкую связь отключил.

Весьма кстати Андрюша Кротов начал произносить длинный путаный тост за хозяйку дома, почему-то акцентируясь на её кулинарных талантах. Элла меланхолично внимала. Договорив о кулинарии, медведь — Андрюша без перехода съехал к теме их давнего совместного с Германом бизнеса по продаже аквариумов. Элла, помнится, этот бизнес по какой-то причине не жаловала. Тост бы ещё тянулся и петлял, если б его не свернул несколько принудительно сам виновник торжества: он тут был вправе — хозяин-барин. Андрюша потянулся полным водки бокалом ко всем, и все ответно и облегчённо потянулись к нему и к Герману.

Алекс Котельников подмигнул мне через стол. В сущности, я высиживал момент для разговора именно с ним. Но нужно было ещё вытерпеть определённую дозу светского занудства.

В последние годы — нужно признать — мне на наших сборищах было грустновато. Получалось, что главное место на них занимали жратва и питьё, требовавшие статичного сидения. Славный наш зрелый возраст помаленьку налагал отпечаток. Хоть бы уж сменили застолья на бойкий фуршет... И меня давно уже не увлекал наш застольный трёп. В этот раз он, как обычно, уполз в малоинтересную для меня сторону. Герман и Алекс — бодрые собаководы обменивались наблюдениями и новостями из жизни своих кобелей. Жёны, впрочем, мягко переключили внимание с кобелей на дачный быт: полчаса мусолилась тема удобной бани и гостевого домика. Жене хозяина тема была приятна, поскольку то и другое было у них не так давно возведено, а моей — поскольку это была её мечта, труднореализуемая с таким мужем как я. Но дело было, конечно, не в банях, а в самой по себе грустной метаморфозе, наблюдаемой в больших дружных компаниях, переживающих вслед за фазой расцвета фазу тихого ожирения и застоя. И, в общем-то, многократно было уже сказано и

описано как из подающих надежды мальчиков и светлицыц девочек довольно быстро получают заурядные усталые 40-летние дяди с тётями без особых перспектив и претензий. Я наблюдал процесс воочию и сознавал себя его частью. Короче, вариации на тему «Ионыча» у Антон Палыча.

Однако никто пока не отменял стремления вернуть и удержать кое-какие радости и в эту пору исчезновения последних иллюзий и проявлений первых измен организма. Стремления к радостям и удовольствиям даже крепки.

Часом позже мы задержались нашей чисто мужской компанией в кабинете хозяина.

4

— Ну и на хрена вам это нужно? — спросил Герман, — я не пойму, в чём тут соль?

— Тебя заинтересовало? — заухмылялся Алекс.

— Да как тебе сказать. Мне это пока кажется шизофренией. Искать в Сети какую-то бабу, типа фею, обладающую каким-то там даром... Ты нам,

Шурик, обещал рассказать нечто прикольное. И в чём тут прикол? К чему эти поиски в Сети? Если вам с Майклом нужна фея... хм... обладающая даром, могу помочь, — Герман манерно повёл бородой, пуча губы, — только это, конечно, будет не даром... но и не особо дорого... Так, ... штука баксов. Всего и делов-то.

— Можно за 800, - пробасил Андрюша Кротов из кресла.

Мы втроём — я, Герман и Алекс сидели на стульях со спинками тёмно зелёной кожи у огромного письменного стола хозяина. Как и у многих людей, крайне редко берущих в руку ручку, стол у Германа был украшен красивейшим письменным прибором из малахита. Там, впрочем, оставалось ещё много места, и оно было занято двумя початыми бутылками вина и корзиной с фруктами. Рядом с креслом, где расселся Андрюша, на ковре стояла кургузая бутылка виски — полупустая.

— Я не говорил «фея», — вставил Алекс.

— Ну, не говорил, но имел в виду,... судя по описанию. Или там дело ещё в чём-то?

— Там дело ещё в чем-то, — признал Алекс.

— А, ну вот, видишь! — обрадовался Герман, — я так и думал, что тут у тебя какой-то профессиональный интерес. Ну, и что она натворила?

— Она аф-феристка? — вяло предположил из кресла Андрюша и отхлебнул прямо из бутылки.

— Ну, расскажи им, ей Богу, — попросил я, — ты же собирался. Пусть у ребят будет полная картина.

— Пусть у нас будет полная картина, — присоединился Андрюша.

Алекс окинул нас коротким хитрым взглядом поверх очков. Я подлил в его пустой бокал вина. В густых усах, в очках и в светло-голубой рубашке-поло он был эффектен как медиа-магнат на презентации нового проекта. В отличие от меня с Германом Алекс не лысел, а красивая серебристость пока завоевала у него лишь виски, не поднимаясь выше.

Его древне-чеканное имечко «Александр» я предпочитал уменьшать до «Алекс», как бы

признавал этот его образ заезжего интеллектуала явно импортного производства. Напротив, Герман продолжал, обращаясь к нему, говорить «Шурик» — как в ранне-студенческую пору. По-моему, «Алекс» было удачнее: с учётом того, что этот вариант был избран его женой. Я, кстати, тоже ничего не имел против того, что моё имя по поводу или без повода произносили на английский манер. Кому-то могло бы не понравиться... Вариации имени — дело вкуса: о вкусах Алекса я догадывался. Его сыскная контора именовалась просто и коротко — «Serber».

— Ты помнишь старого моего знакомого Олега Дзюбу? — начал он с вопроса, адресованного Герману. Тот кивнул.

— Здоровенный такой? Тоже, вроде из прокуратуры, да? Вы ко мне приезжали тогда... - в устах Германа слово «здоровенный» звучало по особому.

— Начальник службы охраны «Нефтяного дома», — напомнил Алекс, — в последние годы процветал. В службе у него человек 30 было.... Ну, ладно. Год назад мы с ним встретились в кабаке, нужно было потрещать по разным вопросам. Ну, всё порешали, всё развели, и он мне вдруг

похвалился. Короче, рассказал про то, что нашёл, благодаря Инету, любовницу такого класса, что никогда в жизни не встречал.

Эти слова имели вес. 38-летний Олег, спортсмен и счастливчик, был юноша искушённый. По его словам выходило, что женщина эта весьма хороша собой, но дело было не в этом. «А в чём же?» — поинтересовался Алекс. Дзюба помялся и сообщил, что радости, доставляемые новой подругой не идут ни в какое сравнение с тем, что он испытывал в объятиях других прелестниц.

«Ты можешь представить себе, — сообщал он, понизив голос, — я её постоянно хочу. Вот, еду к ней, ну, стою, скажем, перед светофором, и от нетерпения готов ногти грызть... как раньше. Но это ладно. Но ведь, когда уезжаю домой, ну вроде довольный вполне, снова хочу! И, знаешь, как будто второе дыхание, или, там, третье! Ну, сам себе говорю, мол, хватит,... Но всё равно думаю о ней».

Алекс поинтересовался, снял ли влюблённый Дзюба для пассии квартиру — как всякий приличный обеспеченный господин. Но Дзюба отмахнулся: «Да есть у неё квартира. Я к ней езжу. И знаешь, она ведь ничего от меня не требует,

никаких условий не ставит. И ей, по-моему, плевать, что я женат». Алекс позволил себе в этом усомниться и, выказав ради приличия интерес, запросил подробностей. Он чуял, что влюблённого переполняет желание поделиться — расплескать избыточные чувства радости и полноты бытия. Дзюба охотно удовлетворил запрос.

Оказывается, он выловил свою женщину мечты на сайте знакомств «Мамба», где завёл страничку и куда заглядывал время от времени — из любопытства и азарта, вступая в краткие и пространные беседы. Говоря точнее, мечта сама нашла его, прислав краткое приветствие. По её собственному признанию, её вдохновил избранный им ник — романтик Дзюба назвал себя «Жан», ну, и конечно, приложение к нику в виде альбома личных фоток. Некоторые прекрасно подошли бы в виде иллюстраций для пособия по туризму. «Сама-то она красивая?» — уточнил всё же Алекс — «блондинка?». «Брюнетка», — возразил Дзюба, — «вроде, русская но что-то знаешь, восточное... короче, ну, не передашь... не обрисуешь...» Рисовать, он был, точно, не мастак.

После краткой переписки было назначено свидание в кафе (Дзюба на первый раз всегда избирал недорогое), после которого она зазвала его

в гости. И началось,... Особой чувствительностью и сентиментальностью Олег никогда не отличался, да и в этот раз делал акцент в основном на полноте изведанных телесных усад. Но от слушателя не укрылось его неподдельное волнение. «Ты знаешь, по сколько раз у меня с ней, получается?» — спросил Дзюба в заключение эмоционального рассказа, — «раз по пять — по шесть!» «За сутки?» — переспросил Алекс машинально. «За световой день!» — провозгласил влюбленный, — Ты не представляешь, какое это чудо! Это как будто другая жизнь!»

В этом месте чутко внимавший Герман прервал повествование.

— Сказать-то что угодно можно, — заметил он вальяжно, — можно хоть 10. Сказать и я могу,... А за сердце-то он не боится? Так, между прочим? Пять раз...

При этом хозяин погладил себя по величественному животу — вероятно, вместилищу сердца.

— Ты ж видел, какой он лось, — возразил Алекс.

— Да видел. Тут не в габаритах дело...

— Ну да, — легко покивал Алекс, — так вот... Ну, перетёрли мы и расстались. Не видел я Олега ещё месяца три. Тут вдруг сам он мне звонит и просит о встрече. Причём как-то так невнятно объяснил: мол, помочь нужно в одном деле. Короче, подгрёб я в «Венское кафе» у Рижской, подождал его, ну минут 10. Наконец, подъехал он.

Алекс допустил эффектную паузу.

— Я его поначалу не узнал. Будто не Дзюба, а только половина его. Ну, по замшевой куртке, вроде, признал. Похудел, наверно, вдвое и морда будто вытянулась. При этом, знаете, чуваки, с виду он был по-прежнему — как бы бодр и весел. Глаза блестят, румянец на скулах... Ну, как у чахоточного.

— Заболел что ли? — спросил Герман.

Алекс оставил вопрос без ответа и, сохраняя хмуроватую невозмутимость, описал их последнюю с Олегом Дзюбой встречу. Можно было допустить, что повод к ней связан был как-то с разборами внутри компании Олега: члены правления там собирали компромат друг на друга. Но

измождённый Дзюба вовсе не собирался болтать о делах компании. Он сразу же вернул собеседника к недавнему рассказу о женщине — мечте. Оказывается, он к ней переехал. Жизнь его вошла теперь в новую колею, полную ежедневных радостей. Даже отъезд на работу (всё ещё ежедневный ритуал) был ему теперь в тягость. Алекс, не выдержав, поинтересовался, нормально ли он питается — в смысле исполняет ли любимая главную функцию. Дзюба отмахнулся: «Нормально питаюсь, сбросил тут пару кило, даже лучше...» И всё же в его эйфории угадывался странный надрыв, да и повод для встречи обнаружился странноватый. Влюблённый Олег вручил Алексу тощую синего цвета папку, заполненную десятком листов: коротких текстов и копий старых книжных страниц. К папке прилагались устные пояснения. «У неё кто-то был до меня», — сообщил Олег ключевую фразу. Алекс не успел выразить всем понятный сарказм по поводу этого заявления — влюблённый оборвал его: «дело не в этом. Ты мог бы о нём кое-чего узнать? Ты ж у нас в этом мастак...»

Далее последовал сбивчивый рассказ о единственном (!) за всё время романа посещении с любимой дорогого французского ресторана, выбранного ею же. Там во время перемены блюд Олег, мучимый уже привычной похотью, но

сдерживаемый любимой, отлучился в туалет, где столкнулся у писсуара со знакомым с предыдущей работы по фамилии Шматко — тоже изрядным профессионалом и бабником. «Твоя новая?... Ничего», — заметил Шматко и без паузы и интонации добавил: «Видел её здесь же полгода назад. Со Слонимским... Журналюга из Caravelle... Не знаешь его. Ну, ладно...» И, засупонившись, исчез. Нежданное и небрежное замечание возымело действие. «Ты не думай, я, это, не ревную, — бормотал Олег, надвигаясь и глядя на Алекса воспалённо, — мне в натуре — просто разобраться... А то какая-то игра в непонятки... Нет, правда,... Я для неё вроде не я, а какой-то герой литературный, слышь? Ну, я там написал, ты посмотри... Я б сам узнал, кто он да где, да времени нет, понимаешь?» Что-то тут было не вполне внятно и не вполне досказано. Но Алекс не стал ничего выпытывать и уточнять. Добывание сведений о людях было его ремеслом, да и Дзюба был давний знакомый. Кроме того, состояние заказчика не располагало к нюансировке. Короче, Алекс принял заказ, отведя ему, правда, не самое почётное место в конце списка. Через пару месяцев у него дошли руки, и он, подключив помощника, кое-что нарыл. Слегка удивлённый результатом, он попытался связаться с заказчиком, но тот оказался вне доступа. Не сумев дозвониться в течение двух

дней, Алекс разузнал домашний телефон и позвонил. Ему ответила жена, которая, выждав паузу, тихо и сумрачно ошарашила сыщика:

— Он умер... Две недели почти.

С трудом, овладев собой, Алекс совершенно искренне сообщил, что шокирован, выразил соболезнования и, поколебавшись, справился об обстоятельствах кончины. Но вдова от подробностей уклонилась: на том разговор кончился.

5

— Вот такие дела, — завершил рассказ Алекс, — а ты говорил, мол, интерес профессиональный... Это не совсем так. Мне совершенно нечего предъявить этой даме с точки зрения уголовного кодекса. Я и знаю-то о ней лишь со слов бедняги Дзюбы, которого мне, на самом деле, жаль... Что меня интересует, так это определённая странность всей этой истории...

— А что с тем-то, со вторым? — перебил Андрюша, — ты ж говорил, что нарыл чего-то? Тоже что ль коньки отбросил?

Алекс помолчал, поглаживая усы, потом ровно заметил.

— Да жив он,... Однако ж, ущерб тоже понёс.

— Хм, — заметил Герман.

Алекс извлёк из-за пазухи блокнот, листнул пару страниц.

— Так... Слонимский Станислав Игоревич, 42-х лет, заведующий редакцией журнала Caravelle, в мае прошлого года перенёс обширный инфаркт, потом около двух месяцев был по реабилитации... Так... Из его истории болезни: ну, постинфарктный склероз, гипертония,... так, хронический простатит... ага, вот: высокая степень нервного истощения. Вот как, оказывается!

— Шурик, браток, а что, ко всем нашим историям болезни тебя допускают без зазрения совести? — сипло осведомился Андрюша Кротов из кресла.

Алекс вздохнул.

— Андрюш, информация, составляющая врачебную тайну, покупается, как и любая

информация по рыночным ценам. И в определённой зависимости от степени её неприличности. Информация об инфаркте и нервном истощении стоит дешевле, чем, скажем, информация о сифилисе. Ну, ладно... С самим героем контакт не состоялся, поскольку и не входил в планы... А вот его бывшая жена представила интересные детали...

— Он что развёлся? — уточнил Герман.

— Она с ним развелась,... Уличив в неверности. То есть, что значит уличив? После того как он съехал от неё к любовнице... На этой-то новой стадии жизни его и настиг сердечный приступ. Может, в самый неподходящий момент... С учётом данного обстоятельства бывшая жена, насколько я понял, особого сочувствия к нему не питает.

— Ты считаешь, что его опять же эта баба довела? — спросил Андрюша, стремившийся к сути.

— Я в данном случае хотел бы напомнить вам, один факт из истории, — заметил таинственный Алекс, — от чего умер один из любимейших фаворитов Екатерины Второй молодой офицер Александр Ланской?. По одной из

версий он злоупотреблял возбуждающими снадобьями, дабы угодить императрице. Угождал он ей слишком часто... по неопытности... и закончил дело сильнейшим нервным истощением, из которого не вышел.

— Ну, видишь, он, значит, чего-то принимал, — вставил Герман.

— Помер-то он в конечном итоге именно от нервного истощения, — наставительно заключил Алекс, — шпанские мушки он глотал, потому, как без них возбудиться уже не мог,... Но считал своим долгом. Он, в сущности, себя насиловал. Но представьте, что существует женщина, которая вызывает это возбуждение постоянно и без всяких там шпанских мух.

— Боже упаси, — сказал Герман.

— Миш, а ты можешь такое представить? У тебя такое было?

— Во сне как-то, — пробормотал я, — в юности. Очень смутно. Но просыпаться не хотелось.

— Не бывает такого, — пробасил

Андрюша, — обычно во второй раз уже в лом...

В этот момент в кабинет заглянула его юная тощеватая пассия.

— Андрюша, можно тебя на минуточку?

— Нельзя, — сурово отрезал Кротов.

Пассия помялась в дверях.

— Андрей, мы же хотели уехать около девяти... Мы же договаривались.

— Римма, да вы не спешите, — попросил Герман-хозяин.

— Кыш, женщина, — сказал Кротов чуть заплетающимся языком, — не мешай мужчинам.

Пассия, сверкнув карими очами, исчезла.

— Воспитывать ещё надо, — пробормотал Андрюша, поднося к глазам, пустую бутылку из-под виски, — воспитывать... Сложный процесс.

Мы обменялись короткими взглядами. Лично на моей памяти Кротов воспитывал уже нескольких

своих жён — третью, четвёртую и пятую. Примерно с одинаковым результатом.

— Собираетесь окольцеваться? — мягко осведомился Герман.

— Я — властелин колец, — ответил Андриюша томно и туманно.

С улицы донеслись женские голоса. Потом смех.

— ... Она у меня журналистка, — заявил он после паузы с оттенком гордости, — пишет на темы культуры... в этой... в районной газете. Я её в «Коммерсант» перетащу... вот, гадом буду...

Андриюша пожевал крупными губами и смежил веки.

— Конечно, — согласился Герман, — ну так что там было дальше-то, Шурик? Ты ушёл куда-то в бок со своими любовниками Екатерины.

— Ничего не в бок, — возразил Алекс, — я к ним ещё вернусь. Так вот, у меня вышла очень толковая беседа с этой дамой — женой Слонимского, то есть с бывшей женой. Я объяснил

ей, что собираю досье на эту ... разлучницу, и она охотно помогла. Она показала мне его переписку с этой, ну с этой... заразой... с сайта. Выудила у него из электронной почты ещё в период выяснения отношений. Это не трудно...

— Она что знала его пароль и логин на сайте? — удивился Герман.

— Нет, она просто залезла в его ноутбук в его отсутствие, может, это можно было без пароля, не знаю. А там сунулась в почту и нашла уведомления с сайта знакомств. Они автоматом шлют клиенту такие уведомления, если ему кто-то пишет. Она кликнула и оказалась прямо на его странице.

— Интересно, — заметил Герман с оттенком беспокойства.

Андрюша Кротов всхрипнул.

— Интересного как раз мало, кроме одной детали. Там был очень короткий диалог. Эта особа просто сама на него вышла, сделала пару комплиментов и предложила встречу, вот и всё. Ну, они выбрали какое-то кафе и время. И больше никаких базаров уже не вели — в пространстве сайта,... Так что всё банально, за исключением

мелочи...

— Так что за мелочь-то? — спросил Герман нетерпеливо.

— Знаешь, какой у него был ник? «Жан» — как и у Дзюбы.

Алекс обвёл нас довольным взглядом. Андрюша Кротов шумно заворочался в кресле и вязкой скороговоркой произнёс в пространство:

— Да вы безумец, мой друг, просто безумец! Канкан на столе! Голым! Просто безумец!

После чего снова смежил веки. Алекс окинул его внимательным взглядом, немного выждал и продолжил.

— Из чего я мог сделать вывод, что эта стерва выходит на тех, кто выбирает себе ник «Жан». Ну, и ещё кое-какие особенности. Например, они оба указывали, что женаты и что владельцы дорогих автомобилей, короче, весьма успешные мужики!

— А сейчас-то этот Слонимский — он как? — спросил Герман осторожно.

— Сейчас, по словам его бывшей, живёт у своей матери. Она старенькая уже. Я ж говорю, я с ним не контактировал. Но бывшая его не без злорадства рассказала, что любовница эта исчезла, едва он угодил в больницу. Дозвониться он ей уже не мог, но, кажется, хотел... В общем, пометался и затих.

Герман встал, расправил плечи и прошёлся по кабинету, почёсывая живот.

— И вы, значит, с Майклом решили поэкспериментировать? — он остановился у кресла, — решили стать «Жанами»? А смысл?

— Смысл? — Алекс широко ухмыльнулся, — смысл в том, что просто интересно! Нет, ну мне ещё и Дзюбу жалко, в натуре... Я тут почитал кое-что из его папочки... Если она его сгубила совершенно осознанно... то, даже не знаю...

— Извела, — подсказал я.

— Ну да... А дайте я вам зачитаю один небольшой текст, который Дзюба мне передал — ну, в той папке. Он же тоже что-то пытался понять. Я Мишке давал читать. Герман, послушай...

Алекс вытащил из нагрудного кармана светло-голубой рубашки-поло сложенный вчетверо листок и начал негромко читать: «...Онный молодой дворянин, имея от роду двадцать три года, был отменного здоровья, весьма мощен и бородат подобно своему покойному отцу. И, несмотря на своё могучее сложение, через три месяца побледнел и зачах, замученный ведьмой с горячей улицы, как прозывают её в народе; а мать лишилась всякой власти над ним. И в последние свои дни он стал похож на жалкого, высохшего червяка, каких нередко обнаруживают рачительные хозяйки, подметая своё жилище. И всё же, пока ещё мог он держаться на ногах, ходил к этой проклятой и отдавал ей последние свои силы и последние червонцы. Когда же он слёг и ждал смертного часа, то изрыгал хулу и брань на голову своей сестры, брата и родной матери...»

Алекс поднял голову, ухмыляясь.

— Откуда это? — спросил Герман.

Но Алекс поднял палец и зачитал ещё один фрагмент: «Как только мой сын увидел сии ножны от тысячи кинжалов, сию дьяволицу ненасытную, в коей всё — орудие погибели, тенета соблазна и сладострастия, бедняга запутался в них и с того дня

жил между колонн Венеры, и протянул недолго из-за нестерпимого зноя, там царящего, ибо никому не утолить жажды ненасытной прорвы, хоть вливай в ней потоки всего мира!...»

Дочитав, Алекс сложил лист и вернул его в нагрудный карман.

— Это Бальзак, — объявил он, — одна небольшая новелла. Имитация протокола допроса в средневековом суде по духовным делам.

— А при чём тут Бальзак? — удивился Герман, — он там нашёл описание похожей ситуации? Такой же ненасытной бабы? Он, вообще, такой знаток литературы?

— Она сама его навела на этот роман! — воскликнул Алекс, — она упоминала пару раз имя персонажа, ей нравилось, чтоб Олег называл себя Жаном. Типа игра! У этого персонажа была и фамилия! Дзюба однажды забил эту фамилию в поисковик и получил вот этот текст...

— Тогда бы он мог догадаться, что его ожидает, — резонно предположил Герман.

— Конечно, мог. Но, как видишь, это никакой

роли не сыграло. Дело-то не в том, что она ненасытная, а в том, что мужчины, похоже, питают к ней какое-то ... ну, неиссякаемое влечение! Как к наркотику!

Андрюша, внезапно откашлявшись, положил одну слоновью ногу на другую, открыл глаза и сипло спросил:

— Господа, речь зашла о литературе, если не ошибаюсь?

Никто из нас не успел ему ответить. За дверь в коридоре возбуждённо зазвенели женские голоса. Их перекрыл собачий лай. Спустя несколько мгновений в кабинет заглянула супруга хозяина Элла и отрывисто сообщила:

— Андрей, твоя подруга уезжает. На твоём джипе.

6

В бабьем бунте участвовала одна хрупкая Римма, но много шума проистекало от визгливых увещеваний, и ещё оттого, что подружка Кротова в сердцах дала пинка путавшемуся под ногами ирландскому сеттеру Грею. Любимец семьи теперь

метался с обиженным лаем у крыльца — не мог поверить в надругательство. Римма с рюкзачком за плечами уже порывалась выйти в калитку — прорваться к Андрюшину «Ниссану», но её тормозили жёны других участников торжества. Они уговаривали её не совершать опрометчивого шага — не уезжать без Андрюши или, по крайней мере, без его санкции. Они выражали эту мысль порознь и хором. Мне, правда, было ясно, что жёны более всего надеялись на увоз нетрезвого Кротова силами его трезвой подружки как на самый удобный для всех вариант. Хозяйка, возможно, простила бы тогда Римме даже невежливый пинок, отвешенный любимцу семьи.

Сама по себе эта картина могла служить добычей для моего самолюбия — в малом его формате. Моя Альбина, точёная и ладная, с чёрным конским хвостом между лопаток выгодно контрастировала с монументальной хозяйкой и ещё более с пухлой низенькой супругой Алекса, Ниной. Помнится, замуж он её брал аккуратненькой пышкой, не представляя (скудость воображения юриста!), что лет через 15 она естественным образом трансформируется в сдобное изделие совершенно иного размера. Бунтующая подружка Кротова являла собой другую крайность: её явно следовало подвергнуть принудительному

кормлению. Моя наблюдательность, вполне возможно, не выдержала бы проверки на объективность. Но всё же я мог отлавливать не только выгодные отличия, но и не очень радующие сходства. Так, у Альбины и Нины была весьма характерная манера смеяться — очень громко и визгливо. И у обеих незагорелые голени в равной мере обнаруживали досадные характерные царапинки — следы безопасной бритвы.

Между тем из дома на крыльцо вышли Герман с Алексом, а за ними вывалился Кротов. Он тёр футболку на могучей груди, шурился и поправлял очёчки, смахивающие на пенсне. Сходство с безмерно распухшим Лаврентием Палычем усилилось.

— Ты ее останови, что ли — заметила жена хозяина, — уедет ведь.

Римма всё же вырвалась за калитку. Андрюша вперевалку, сильно кренясь то вправо, то влево двинулся вслед за нею. Для человека, опустошившего почти полную поллитровую бутылку виски — уже после некоторого количества водки в ходе застолья — он передвигался довольно легко, даже грациозно. Я отправился за ними, надеясь поспособствовать мирному

урегулированию, хотя Анна пробовала меня придержать:

— Миша, не нужно, они сами разберутся.

Но я всё же пошёл, слегка опасаясь несдержанности Кротова в отношениях с дамами. Выйдя из калитки вслед за Андрюшей, я увидел, как он нагнал беглянку у самой машины, и усталым движением лишил её правую маленькую кисть тяжёлой связки ключей. Римма повернулась к нему, кривя лицо:

— Мне надоело, Андрей, ты понимаешь?! Надоело видеть твою вечно пьяную рожу! Каждый раз, куда бы мы ни поехали, ты надираешься! И наблюдать, как ты потом три дня очухиваешься — надоело! Ты уже не можешь нормально общаться, ты не заметил? Мы с тобой уже нормально не общаемся. Боже, кому я это говорю! Ты и сейчас меня не слышишь! Ведь не слышишь?

— Слышу крик разгневанной самки кенгуру, — ответил Кротов с некоторым усилием, но высокомерно.

Подруга взорвалась — отпрыгнув от него на шаг, яростно проорала:

— Пошёл ты со своим тупым юмором в жопу, понял!

— М-можно уточнить, в чью?

— Ты мудака и алкаша! — выкрикнула журналисточка, пишущая на темы культуры, — мне в падлу с тобой жить! Я на тебя плевала! Я уйду хоть пешком, но уйду!

С этими словами она развернулась и быстро засемила вдоль улицы, мощённой грубым асфальтом к зажатой меж кирпичных стен скромных дачных жилищ. Кротов, секунду помедлив, рванулся следом, пошатываясь, как раненный игуанодон в три кривых скачка он нагнал её и остановил, толкнув в плечо.

— Эй! — крикнул я и потрусил в их сторону. С этого момента могли начаться неприятности. Но Кротов, к моему удивлению, следующим жестом с размаху швырнул на асфальт под ноги подруге связку ключей.

— Катись! — прохрипел он, — катись, куда хочешь. А я... остаюсь... Меня, вон, завтра Мишка довезёт... Мишка с Алькой.

И он тяжело двинулся обратно, ко мне. Его пунцовая физиономия лоснилась, он шумно дышал. Его подружка застыла, косясь через плечо. Кротов добрёл, тяжело опёрся на моё плечо, и мы двинули к калитке. Я сообразил, что всё же попался ему на глаза совершенно не во время.

Когда мы вползали в калитку, сзади коротко рявкнул двигатель «Ниссана».

Нам, конечно, не шибко были рады. Все надеялись, что Кротов, погруженный на заднее сиденье, уже убыл. Хозяйка Анна посмотрела на меня укоризненно, будто именно я не пустил его домой.

Все понимали, что Андрюша теперь будет добирать. Он этим действительно незамедлительно занялся. Тем более что в собственных глазах имел теперь веское моральное основание: разочарование в любви и вообще, в жизни.

— Герман! — заорал Андрюша, отпустив меня, — неужто в этом доме не осталось ни капли виски?!

— Нужно поискать, — ответил Герман

уклончиво.

Но Андрюшу трудно было остановить, тем более что места были ему знакомы. Он заставил нас троих вернуться в кабинет хозяина, где десятью минутами ранее текла неторопливая беседа, и где под двумя книжными полками помещался небольшой бар. На верхней книжной полке, между прочим, красовались серые корешки двух моих книжек, презентованных Герману в прошлом году.

— Так что там эта ваша фея? — бодро осведомился Кротов, орудуя в баре, — проявилась уже? Письма пишет?

— Пока не проявилась, — скучным голосом признал Алекс.

Андрюша обнаружил тем временем, початую бутылку джина «Beefeater» и извлёк её на свет.

— Да, господа, не скрою, я взволнован, — заметил он, наливая полный стакан, и делая серьёзное лицо, — базар Алекса произвёл на меня впечатление... Надо же... играет в литературные персонажи! Это заслуживает уважения... Алекс, Мишка — по рюмочке? Не будете? Ну,... Ваше здоровье!

Он снял очки и проморгавшись слегка испугал на видом белков, полных красных прожилок. Честно говоря, я полагал, что всю вторую половину повествования Алекса он продремал.

— Она, по-моему, не играет... в персонажи, — сказал Алекс, глядя в сторону.

Но Кротов уже потерял интерес к теме или забыл о ней.

— А пойдёмте в сад! — возгласил он, сжимая бутылку «Beefeater». Мы, не желая в данном случае принимать статус собутыльников, вынуждены были последовать за ним под сень старых яблонь. Под навесом за длинным столом Кротов пленил кроткого в это время суток Феликса Махмудовича, не посмевшего отказаться от джина. Мы остановились, созерцая сцену. Алекс через минуту отбыл по зову пухлой супруги.

Кротов уже что-то доказывал пленённому собеседнику.

— Беда с ним..., - Герман почесал бородку, — а как там у тебя, кстати, новый роман? Строчишь?

Из всей нашей шайки только он интересовался развитием моего творчества. Литературный нюх Германа был не слишком тонок — в основном он потчевал себя фаст-фудом вроде многосерийных фантастических боевиков, но изредка мог позволить и более изысканные блюда, вроде тех, что раз в год пёк я. В них он постоянно пытался углядеть и опознать прототипы. У него находилось время для праздных интеллектуальных причуд типа чтения, ибо Герман был рантье. Он жил в основном на доходы с каких-то акций и от сдаваемой нежилой недвижимости, добытой в пору бесшабашных и рискованных операций с движимым имуществом — кажется, поддержанными иномарками. Прекрасные люди с пытливым умом — скучающие домохозяйки и рантье.

— Работаю, — ответил я, — к следующей весне должен закончить. Обещал издательству.

— Ну, и о чём там у тебя? Тебя как-то ведь озадачивают? Задают вектор?

— Так прямо не задают, — признал я, — но желательно, чтобы имела место какая-то экзотика, эротика и мистика.

— Эротика — понятно, а экзотика — это как?

— У меня там молодая пара совершает романтическое путешествие на Сицилию, — начал я, — приезжают в небольшой городок на восточном побережье, поселяются в отеле, а там обнаруживается очень странный хозяин...

— Уже неплохо, — оценил Герман.

— Мистический смысл там открывается не сразу..., — пояснил я, но не успел раскрыть мысль.

7

Кротов резко вскочил из-за стола и завертел головой.

— Где она? — крикнул он хрипло.

Похоже, было, что после краткой передышки он вновь заметил отсутствие своей самки кенгуру. Феликс Махмудович в свою очередь осторожно вылез из-за стола и ушёл под яблоню в тень.

— Она уехала, Андрюша, — сообщил Герман Кротову, подходя ближе, — ты же её отпустил.

— Кто, блин, отпустил? Куда спрятали? Где

эти соседи?! Куда делись? — завопил Андрюша не очень связно.

Герман обнял его за плечо и попытался вывести из-под навеса. Но Кротов вырвался и, шатаясь, побежал по дорожке выложенной кафельной плиткой, в сторону гостевого домика. Там он заметался, вытаптывая анютины глазки, налетая на низкие лавочки. Потом, обнаружив дверь, ворвался в гостевой дом. Обеспокоенный Герман поспешил следом. Внутри Андрюша что-то ещё сипло орал. Что-то там падало и гремело. Из сада к месту события подтянулись хмурые жёны и улыбчивый Алекс. Спустя минуту из двери гостевого дома вывалился гость, а за ним хозяин — оба в состоянии сильного возбуждения. Взор гостя воспалённо блуждал. Он промахнулся мимо ступеньки, грузно рухнул, но тут же с необычной живостью восстал и, сильно кренясь вправо, побежал наискось, через сад — сокрушая декоративные оградки, клумбы и стриженные кусты. Конечная цель, скорее всего, не была ясна ему самому. Добежав до проволочной сетки, отделявшей участок Германа от соседского, он принялся её трясти, громко повторяя сакраментальный вопрос: «Куда дели?!» Могло показаться, что его претензия была адресована именно беспечным соседям. Но едва мы двинулись

к нему, Кротов отделился от сетки и, так же сильно кренясь, побежал вдоль границы участка. Потом, резко сменив траекторию, рванул опять же через клумбы навстречу нам. Встать у него на пути было примерно то же самое, что лезть под гусеницы среднего танка. Промчавшись сквозь нас, он снова оказался у стола под навесом. От бывшего великолепия там оставалось лишь блюдо с полусъеденным салатом, несколько тарелок и бутылка из-под джина.

— Сейчас допьёт и начнёт посуду бить, — забеспокоилась хозяйка, глядя на нас, мужчин, вопросительно.

Мы колебались. Неожиданно у стола рядом с Андрюшей оказалась моя жена. Она приобняла его за могучую спину и стала что-то говорить, заглядывая ему в лицо. Кротов стоял, набычившись.

Через пару минут он неожиданно осел на один из пластиковых стульев. Альбина тут же опустилась рядом, лёгким движением убрав из поля зрения бутылку с джином. Мы решились приблизиться. Стал слышен шелестящий монолог Альбины, произносимый на одной ноте: «Для такого мужчины как ты нет ничего невозможного, на такого мужчину всегда спрос... Она разве

понимает? она просто не понимает,... Она молодая... Для такого мужчины нет никаких проблем... Разве это проблема? На такого мужчину всегда спрос... Ты же понимаешь...» И так далее. Как-то года два назад я, будучи с визитом в Институте зрелой красоты слышал ее подобное терапевтическое бормотание по адресу какого-то малоприятного клиента с угреватой физиономией. Профессионализм моей жены был многогранен.

Кротов сопел и тоже что-то бормотал в ответ. Минут через пять он тяжело поднялся и влекомый Альбиной поплёлся к дому. Мы замерли в почтительном отдалении. На полдороге Кротов вдруг встал и плаксиво воскликнул:

— Но она же врёт! Всё время врёт!..

Альбина, обхватив его гиппопотамью поясицу, снова заговорила. Чёрный конский хвост на её узкой спине качнулся. Клиент двинулся дальше и благополучно достиг дома. От крыльца Альбина, не оборачиваясь, махнула нам через плечо. Но мы и так бы ни в коем случае не сунулись бы следом.

С уводом Андрюши над дачным участком повисла тишина, разбавленные отдаленным

птичьим щебетом. Мы стояли в силах ее нарушить. Ещё минут через десять жена снова явилась на крыльцо и объявила:

— Уснул.

— Волшебница! — провозгласил Алекс, а его пышная супруга поплыла к Альбине целоваться.

Остаток угасающего дня заняла экскурсия на край ближнего поля. Герман расписывал, что устроит тут теннисный корт: в этих целях он вроде бы собирался даже прикупить участок в полгектара. Мне было ясно, что он просто рисуется. Но заходящее солнце, расслаивающее небо на лиловые и багряные полосы, делало как-то очень уместным всякое прожектёрство. Хотелось мечтать и предаваться утопиям. Даже Альбина мурлыкающе высказалась о зимнем доме с камином. Она его заслуживала.

Чуть позже, перед сном — на втором этаже гостевого домика — я попытался извлечь из этого мурлыканья немного страсти. Если честно, мною больше двигало чувство долга и стремление к совершенству и завершённости, нежели пылкое желание. Засыпающая на животе обнажённая Альбина в основном не подавала признаков жизни,

пока я выказывал нежность её спине и небольшим ягодицам. Там, где они смыкались и чуть ниже, весьма обильно рос тёмно-каштановый пух, являвшийся маленькой интимной тайной жены. С иных надлежащих мест волосы методично удалялись. Перемежая поцелуи с пробами пуха на прочность, я мог пытаться оживить безучастную героиню дня. Но в этот раз не вышло. Сквозь сон и через плечо она заметила: «Он же у тебя явно не готов». И я вынужден был отступить, сознавая её вкрадчивую правоту. В конце-концов, 15-летний стаж созерцания обнажённой Альбины сказывался обезоруживающе. Эксперты в этих вопросах были всегда бессильны перед сонной супружеской зрелостью.

В начале второго, когда я уже засыпал, мне на мобильный дозвонился Герман — вполне трезвый и бодрый.

— Слушай, а вот этот... роман-то про бабу, из-за которой мужики изводились. ну, он как называется?

— Изводились? — переспросил я, не попадая сразу из сна в тему.

— Ну, роман этого... Бальзака? —

нетерпеливо пояснил Герман.

— А... называется «Ведьма», — вспомнил я, — только это не роман, а новелла... небольшая.

— А я, вот, решил сейчас у себя поискать, — Герман был, похоже, полон энергии, — у меня тут где-то был сборник... «Жизнь» и другие новеллы.

— «Жизнь» — это роман Мопассана, — вяло уточнил я, — ты спутал.

— Хм, — Герман, кажется, огорчился, — ты думаешь?... Черт... Я тебя там... ни от чего?...

— Ты меня оторвал, — подтвердил я сварливо, — вернее нас! именно так!

— Ой, извини, — засуетился Герман, — всё-всё, конец связи.

Я не мог уснуть ещё час.

8. Ловля на живца

В течение следующих двух недель я получил около трёх десятков посланий от обитательниц сайта. Но больше половины из них заслуживали

немедленной переправки в мусорную корзину, поскольку были написаны юными профессионалками, пользующимися для своих нехитрых предложений краткими штампованными формами. От завуча Веры, моей первой собеседницы из этого сообщества ищущих я уже знал, что зрелым и перезрелым (после 35) красавицам довольно часто пишут юные мачо, предлагающие мамочкам поделиться ценным опытом любви. Этим юнцам бальзаковские дамы представлялись более или менее лёгкой добычей. В основном они заблуждались, но, во всяком случае, их предложения не носили коммерческого характера. Напротив, их ровесницы, девы-профессионалки были исключительно корыстны, а цену за час сообщали (я, увы, проверял) во втором письме. Эти маленькие рыбы-прилипалы упорно плыли из глубины Сетевого океана каждый день, несмотря на чётко обозначенные мною возрастные рамки объекта поиска.

Из дюжины других сообщений семь или шесть я вынужден был отсеять, исходя из обычных зрительных впечатлений.

Ни одно из этих совершенно неинтересных, а в нескольких случаях и отталкивающих лиц не